

УДК 111.84

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-4-10-19

О религиозно-философской интерпретации понятий добра и зла в публицистике модернистов в эпоху Первой русской революции

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация. Проблема добра и зла в религиозной философии русских модернистов – едва ли не самая сложная: она не была решена, но в ходе обсуждения открылись горизонты в понимании онтологических свойств Жизни: то, что относится к Тайне бытия, не является просто недоказуемым, то, что относится к Тайне человеческого существования, открывает внутри человека глубину понимания самого себя, всегда несовершенного, всегда не завершаемого ни в каких перспективах социального развития, всегда мистическим образом уходящего в бесконечность духовного развития. Всякаявершенная система социального учения, предлагающая человеку конечные ответы о смысле его существования, всегда иллюзорна и всегда – только общественная ложь. Таков общий философский контур в истории модернизма, порождающий интерес исследователя.

Ключевые слова: Сергей Булгаков, Николай Бердяев, модернизм, философия, позитивизм, русская интеллигенция.

Для цитирования: Юрганов А.Л. О религиозно-философской интерпретации понятий добра и зла в публицистике модернистов в эпоху Первой русской революции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 4. С. 10–19. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-4-10-19

On religious and philosophical interpretation
for the concepts of good and evil
in the modernists' journalism
during the First Russian Revolution

Andrey L. Iurganov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, iurganov@yandex.ru

Abstract. The issue of good and evil in the religious philosophy of Russian modernists is perhaps the most complicated: it has not been resolved, but in the progress of the discussion new horizons in the understanding of ontological properties of Life were seen open. What refers to the Mystery of Being is not plainly unprovable, what refers to the Mystery of Human Existence explains within a person the depth of self-understanding, always imperfect, and not completely shaped in any prospects of social development, but mystically going in infinite spiritual development. Any completely shaped system of social teaching, offering the human final answers about the meaning of his or her existence is always fictive and always none but a public delusion. That is the general philosophical contour in the history of modernism, attractive for the researcher interest.

Keywords: Sergey Bulgakov, Nikolay Berdyaev, modernism, philosophy, positivism, Russian intelligentsia

For citation: Iurganov, A.L. (2019), "On religious and philosophical interpretation for the concepts of good and evil in the modernists' journalism during the First Russian Revolution", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no 4, pp. 10-19, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-4-10-19

В девятом номере журнала «Вопросы жизни» за 1905 г. была опубликована статья Н. Бердяева «О новом религиозном сознании». В ней была развернута настоящая программа религиозного творчества.

Важнейшие постулаты новой программы выражали себя в интерпретации абсолютной свободы личности. Эту свободу можно осуществить через преодоление того, что создает ограничения. Казалось бы, подобная установка не противоречит богословскому тезису о даровании человеку свободы воли. Однако в теоретических рассуждениях Н. Бердяева, С. Булгакова, Д. Мережковского и др. неожиданным образом эта коллизия приобретает драматический характер – «последняя» свобода личности неизбежно сталкивается с необходимостью признания зла как атрибута божественного, – иначе ни о какой свободе в ее максимально выраженной форме го-

ворить не приходится. Выходит, что Бог, даруя человеку свободу воли, допускает, что ее осуществление связано с богоборчеством! Эта логика таит в себе парадокс, ибо Бог не может желать зла...

Как же мыслили деятели русского ренессанса отношение добра и зла в новой установке на оправдание свободы личности как основополагающей в новом религиозном сознании?

Где же и в чем добро?

Где же и в чем зло?

Но для начала следует определить *специфику* такой постановки вопроса об абсолютной свободе личности. Чтобы она была явлена, необходимо сравнить ее с традиционной христианской теодицеей. Добро и зло в церковном понимании всегда первичны для свободы выбора. Сам выбор определяет собой известную природу зла. К такому выбору Бог никак не причастен. Это значит, что сама *традиция христианства* выступает как первооснова всякой контекстуальной идеи свободы христианской личности.

Например, переживания Афанасия Никитина в Индии касались свободы воли в аспекте традиционного понимания того, что такое *быть христианином*. А быть им – значит быть причастным к известным правилам, канонам, праздникам, календарю церкви и т. д. Без такой причастности он не мыслил себя тем, кем он был, православным. В ходе его хождения за три моря он изменил точку зрения на Бога – он осознал, что Аллах над всеми «верами» – и только Аллаху известно, какая вера «истинная». Его свобода воли выразила себя в том, что даже с мусульманской молитвой, завершающей его дневник, он возвращался на православную родину. Ибо само понятие Добра (Бога – не только над православными, но и Бога над всеми народами с их «верами») расширилось и изменило поведенческий стереотип, а значит, и понимание личной свободы.

Таких примеров – множество.

В традиционной христианской религии *не было и не может быть* так, что в мыслительной установке до всяких понятий о добре и зле пребывает идея о предельной свободе человека, которая сама по себе, как идея бесконечного свободного Духа, конституирует Добро и Зло!

Этот радикальный поворот в сторону «нового религиозного сознания» и «предельной» (=беспредельной) свободы личности и есть *сущность духовного ренессанса* Первой русской революции [Юрганов 2018].

Философско-религиозное сознание модернистов самоопределялось в критике позитивизма, объективизма, утилитаризма. Иначе и быть не могло: что бы чем-то быть, нужно знать свои границы...

В течение зимы 1903–1904 гг. в Киевском литературно-артистическом обществе проходили собрания, на которых состоялись прения «по различным вопросам философского и общественного характера». Особый интерес вызвал спор, развернувшийся между Н.А. Бердяевым и М.Б. Ратнером по поводу статей последнего о «Проблема идеализма». Материалы обсуждения были опубликованы в третьем номере журнала «Новый Путь» за 1904 г. Возражая Ратнеру, Бердяев стремился как можно точнее сформулировать свое отношение к «идеализму» и к «позитивизму».

Что для него есть абсолютная реальность? «Истинно реальным является душа, неделимое единство»¹. Что есть реальность для позитивистов? Причинность объективного процесса, в котором человек лишен всякой самостоятельности и свободы; свобода определяется через необходимость, через надличное механистическое начало. Это два начала, между которыми невозможен компромисс.

Свобода для Бердяева есть «положительная субстанциональная мощь, она есть творчество души»².

Он не скрывал, что в основе его понимания свободы личности пребывает учение Фридриха Ницше, ставившего «вопрос о смысле человеческой культуры и о смысле человеческой жизни»³. Бердяев утверждал, что только метафизика может дать «истинную теорию личности и обосновать абсолютную ценность человеческой жизни, с точки зрения которой оцениваются все жизненные явления»⁴.

М.Б. Ратнер, возражая, говорил о несостоятельности метафизики личности:

Я нахожу также, что утверждение Н.А., что личность есть метафизическое понятие, совершенно неосновательно. Докажите и объясните нам, что метафизического в понятии личности? Личностью мы называем или данную, реальную, отдельную личность, или же абстрактное понятие личности. Ни в том, ни в другом понимании нет ничего метафизического. В первом мы разумеем под личностью всю совокупность черт, свойственных отдельному человеку, во втором совокупность черт, свойственную всем индивидуальностям человеческого рода. Что же метафизического в этом понимании? Н.А. утверждает, что вне метафизического обоснования личность есть совокупность бесформенных

¹ Записки о философских прениях (между Н.А. Бердяевым и М.Б. Ратнером) // Новый путь. 1904. № 3. С. 219.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же. С. 224.

и хаотических состояний, но из всей его аргументации совершенно не видно, почему эти состояния кажутся ему бесформенными и хаотическими. Для нас реальным оправданием борьбы за лучшее будущее и страданий во имя этого лучшего будущего является сочувствие к человеческим страданиям и чувство единства, объединяющее нас как с прошлыми, так и с будущими поколениями⁵.

Н.А. Бердяев отвечал:

Метафизическая идея субстанциональности личности ясна и проста; она есть констатирование факта единства и неделимости личности, опытное утверждение субстанциональности души, хотя, конечно, для объяснения этого утверждения требуется целая цепь рассуждений, и вопрос этот является пробным камнем для всякой метафизической системы⁶.

М.Б. Ратнер, критикуя философские позиции Бердяева, обнажал и собственные предпосылки объяснения:

Задача современного учения о социальном идеале заключается в том, чтобы показать, что раз нравственный, идея нравственного закона присуща человеческому духу, то она является в нем не бессильной идеей, а активной силой, которая побуждает работать для ее осуществления. Сила этого импульса зависит от конкретной эмпирической среды, в которой живет человек; в этом и заключается живая связь должного с сущим. Сущее находится как бы под давлением, и мир представляет из себя борьбу добрых и злых начал, борьбу нравственного закона и сил эмпирической действительности. Отдельные группы общества более или менее способны идти в разрез с условиями действительной жизни. Заслуга Маркса заключается в том, что он указал на те слои общества, которые особенно приспособлены к тому, чтобы действовать во имя нравственного закона, так как всем строем современной жизни они обречены играть роль средства, а не цели⁷.

Для марксистов сверхзначимым был процесс, линейный, монистический, надличный; для Бердяева и других участников модернистского движения – права личности восходили к идеалу безвластия, к мистической анархии.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Там же. С. 232.

⁷ Там же. С. 240–241.

В книге Энгельса «Анти-Дюринг», по мнению Бердяева, отвергалась важнейшая добродетель в Вопросах Жизни – «самоценность прав личности»⁸.

О религии человекобожества у одного из главных идейных предшественников марксизма, Л. Фейербаха, писал С. Булгаков в двенадцатом номере «Вопросов Жизни» (окончание статьи). Речь, в частности, шла о природе антропоморфизма: «То, что называется при этом антропоморфизмом, есть на самом деле единственно возможное и доступное для человека, человеческое познание о Боге»⁹. Булгаков высказался весьма созвучно тому, о чем писал Бердяев, критикуя марксизм за увлечение «количеством», но не «качеством».

Булгаков уточнил: такое количественное отношение (=механистическое) возможно потому, что у материализма нет масштаба большего, чем атеизм:

Это отношение к массе, – некритическое и даже не допускающее критики преклонение пред большинством не только в том, в чем оно всецело компетентно, т. е. в том, что касается его материальных нужд и интересов, но и вопросов духа, является в настоящее время весьма широко распространенным и обычно принимается за демократизм. Отсутствие высших масштабов, следствие атеизма, привело к тому, что масштаб качества заменяется масштабом количества¹⁰.

Атеистическая тенденция стала «язвой современной культуры». Но исходный мотив в этой тенденции – стремление культуры к демократизму, к обожествлению не столько толпы, сколько ее атеизма¹¹.

Отношение к Истине со стороны Фейербаха показательно. Для немецкого философа важно было подчеркнуть, что истина – это «сознание рода». Род имеет преимущество перед всяким индивидом, род – это целое, реальное существо, более реальное, чем индивид. В первой части своей статьи, опубликованной в сводном номере за октябрь–ноябрь 1905 г., Булгаков подчеркивал, что для Фейербаха «человеческий род есть бог для отдельного человека,

⁸ *Бердяев Н.* Дневник публициста. Катехизис марксизма // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 379.

⁹ *Булгаков С.* Религия человекобожества у Л. Фейербаха (окончание) // Вопросы жизни. 1905. № 12. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Там же.

вид есть бог для индивида»¹². Человечество – тоже бог¹³. А богом для человека является глава государства. Фейербах обожествил человеческий род («в роде весь закон и все пороки»). Но самой существенной точкой расхождения стало утверждение (принятое марксизмом в качестве безоговорочной истины), согласно которому «истина существует не в мышлении»¹⁴.

Истина имеет надличный характер, она соответствует масштабу рода: «Истинно то, что согласно с существом рода, ложно то, что ему противоречит. Другого закона истины не существует»¹⁵.

Это было самое слабое звено в его философии, но самое важное место в философии марксизма:

Фейербах сам однако отшатывается от выводов, проистекающих из прямолинейного и решительного применения этого тезиса, по которому выходит, что прав не Сократ, а его судьи, не Коперник, а судивший его трибунал, не всякий новатор и революционер, но косная и темная толпа¹⁶.

Фейербах шел еще дальше: «В роде не только истина, но и добро»¹⁷. Булгаков так это комментировал:

...для рода как абсолюта недостаточно быть «предметной совестью», т. е. субъективным возбудителем добра – это положение само по себе мало характерно для религии человечества, – ему надо быть объективным добром, воплощением сущего добра. Абсолют так уж

¹² Булгаков С. Указ. соч. С. 253.

¹³ Д.С. Мережковский в статье «Судьба Гоголя» писал: «Бессознательная сущность всякого позитивизма, как учения о смысле жизни, от Конфуция до Канта, есть отрицание конца, утверждение бесконечного продолжения человеческого рода, бесконечного «прогресса»: нам хорошо, детям нашим будет лучше, внукам, правнукам еще лучше – и так без конца. Не человечество в Боге, а Бог в человечестве. Само человечество – Бог, и другого Бога нет. Нет личного бессмертия, а есть только бессмертие в человечестве. Каждый век «промышляет», «приобретает» для будущих веков; бесконечное приобретение, накопление *мертвого* капитала, сокровище «мертвых душ», которое никогда не тратится, – вот бессознательная, но и безусловная сущность прогресса. Отсюда – «поклонение предкам» в китайском, поклонение потомкам в европейском позитивизме; отсюда – брак, деторождение, «семья, как религия». «Жена, дети» – вот вечное оправдание всех чудовищных нелепостей буржуазного строя...» (Новый путь. 1903. № 1. С. 62).

¹⁴ Булгаков С. Указ. соч. С. 261.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 262.

¹⁷ Там же.

абсолют, ему принадлежит, следовательно, в качестве неотъемлемого атрибута и святость. Сумма состоит из всех слагаемых, а род из всех индивидов, значит в коллективной святости участвую и я со всеми несмываемыми пятнами, которые только знает моя совесть, и Мессалина, и Калигула, и Борджиа, и Плева, и чеховские «нудные», серые люди... Вот твой бог, пади ниц и молись, молись самому себе, молись Мессалине, молись Плева, молись «Ионычу». Это роковой для Фейербаха и для всякой религии человечества вопрос: куда же деть всю слабость и всю порочность нового бога¹⁸.

С. Булгаков нашел в философии Фейербаха ключевой тезис, принятие которого гарантирует веру в его учение, неприятие тезиса означает отвержение всего философского учения материализма. Мысль о совершенстве человека сводилась Фейербахом к тому, что «люди только в совокупности составляют человека, только вместе суть они то, чем должен быть человек». Л. Фейербах писал: «В моральном отношении люди восполняют друг друга, так что взятые вместе в целом они таковые, какими должны быть, представляют совершенного человека»¹⁹.

В чем же суть тезиса, из которого производятся все элементы учения? Булгаков писал: «Таким образом, для получения совершенного человека Фейербах предлагает брать алгебраическую сумму добродетелей и пороков»²⁰. Иными словами, у Фейербаха «не-совершенство индивида поглощается в роде, сумма больше своих слагаемых»²¹.

Н.А. Бердяев признавался, что вопрос о происхождении зла – «самый трудный, страшный и роковой для будущего всякой религии», он может быть решен в двух направлениях – монистическом и дуалистическом: «Или дьявол есть жалкая тварь, поднявшая раздор между Богом и миром во имя небытия, так как никакого бытия он утвердить не может, тогда в нем нет никакой бездны, а лишь середина, и в демонизме нет ничего соблазнительного. Или дьявол – самобытное, предмирное, несотворенное начало, и тогда мы приходим к дуалистическому учению о двух вечных царствах, предстоящих нашему выбору»²². В устах Бердяева при этом прозвучало: «соблазнительное дуалистическое учение».

¹⁸ Там же. С. 263.

¹⁹ Там же. С. 264.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 265.

²² *Бердяев Н.* О новом религиозном сознании // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 185.

К нему склонялись.

Может быть, не без трепета, не без ощущения коренной ошибки, но склонялись: «Свобода есть божественный дар, но для оправдания смысла свободы необходимо зло»²³.

Две полярные бездны, но это не Бог и дьявол, не доброе и злое начало, а два «равно святых, равно – божественных начала, примиряемых в Троичности». Троица – это две равные божественные ипостаси: Добро и Зло. Они соединяются общим элементом, третьей равной им ипостасью – Святым Духом. Иными словами, Бог един в божественных началах Добра и Зла, объединенных Святым Духом. Как ни старались модернисты преодолеть дуализм – ничего у них не выходило: зло отнологично, предмирно почти всюду в их поэзии... Вне Троичности, вмещающей в себя безмерную полноту бытия, «остается дух небытия», – что же это такое?

Злом оказывалась общественная Середина, человеческая прошлость, которая хочет казаться единственным бытием.

Сам же вопрос о дуализме нового религиозного сознания модернисты признавали вопросом, тесно связанным с мистическим переживанием Тайн Божьих.

Во втором номере журнала «Вопросы жизни» за 1905 г. вышла статья С. Булгакова «Без плана» – по сути, это обзор деятельности журнала, некая рефлексия на тему названия журнала. Булгаков признавал, что Жизнь может быть наполнена разным содержанием. Его интересовала Жизнь в ницшеанском смысле как идеальная задача. Философская и религиозная мысль соединялись здесь, не чувствуя никакого противоречия в подходах. Их объединяла *мистика* – религиозная и философская. Ибо Жизнь – прежде всего неразгаданная Тайна. Что враждебно философско-религиозному подходу к раскрытию мистических оснований жизни человечества? Любая отвлеченность: будь то материалистическая или спиритуалистическая.

Философско-религиозный синтез ведет к постановке великой задачи для России – к осуществлению культурного ренессанса.

Порабощение политическое, ставшее в России доминирующим, привело к утрате не только внешней свободы людей, но и внутренней, – писал Булгаков.

Чем опасна борьба с самодержавием, казалось бы, столь необходимая для России? Прежде всего тем, что любая борьба с произволом ведет к тому, что общество может стать похожим на государство – может стать не менее жестоким поработителем личности. «Гонимые незаметно для себя иногда усваивают некоторые черты психологии своих врагов», – писал он.

²³ Бердяев Н. О новом религиозном сознании... С. 186.

Таким образом, новое религиозное сознание, постулируя дуализм божественных ипостасей Добра и Зла в своей философии, исходило из идеи о пагубности *не внешнего насилия* над человеком, а внутренней склонности к подавлению свободы *в себе* – это зло и было производно от коллективистской психологии русской интеллигенции.

Уже в эмиграции Н.А. Бердяев написал небольшую книжку о «генеральной линии» в марксистской философии (1932). В ней он подвел итог своей борьбы за права личности: «Две установки возможны для человека, два совершенно разных положения. И все меняется от этих разных установок и положений. Человек может стоять перед Богом и перед тайной бытия, тайной существования. Тогда у него есть чистое сознание, чистая совесть, тогда дано ему бывает откровение, тогда дана ему интуиция, тогда есть подлинное, первородное творчество, тогда прорывается он к первоисточнику. И человек может стоять перед другими, перед обществом. Тогда его сознание, его совесть не могут быть чистыми. Тогда искажается истина откровения, тогда сама религия делается социальным фактом, тогда потухает свет, блеснувший в интуиции, тогда огонь творчества охлаждается, тогда вступает в свои права ложь, признанная социально полезной и даже необходимой. Тогда человек определяется социальной обыденностью... Тогда человек не прорывается к первоисточнику»²⁴.

Литература

Юрганов 2018 – *Юрганов А.Л.* Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 372 с.

References

Iurganov, A.L. (2018), *Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma* [Renaissance of personality in the destiny of Russian modernism], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow; Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Москва, Россия, Миусская пл., 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Iurganov@yandex.ru

²⁴ *Бердяев Н.А.* Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Paris, 1932. С. 7.